

УДК 81'37, 81'38

DOI: 10.17223/19986645/61/9

Е.А. Юрина, Ж.Г. Темирова

**КОНЦЕПТ «ЧЕСТЬ» И ЕГО ОБРАЗНЫЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ
В КОНТАМИНИРОВАННОЙ КАРТИНЕ МИРА
ПИСАТЕЛЯ-БИЛИНГВА (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА
Р. СЕЙСЕНБАЕВА «ЧЕСТЬ»)***

Рассматривается концепт «Честь» как элемент русской языковой картины мира и ключевое понятие художественной контаминированной картины мира на примере рассказа «Честь» (1968) казахского писателя-билингва Роллана Сейсенбаева. Выявляются понятийная и образная составляющие художественного концепта «Честь», реализованные в повествовательной структуре рассказа. Моделируется система ключевых смыслов и типовых образных представлений, составляющих понятийный, образный и аксиологический слои анализируемого концепта в русской языковой и контаминированной (казахско-русской) художественной картинах мира.

Ключевые слова: концепт «Честь», концептосфера, образность, аксиология, языковая картина мира, контаминированная художественная картина мира, билингвизм.

Введение

В коммуникативном пространстве современного глобального мира повышается ценность полиязычной личности говорящего, что усиливает научный интерес к исследованию феномена билингвизма [1–3]. В этом контексте активно изучаются казахско-русский и русско-казахский билингвизм ([4, 5] и др.), а также особенности словесного художественного творчества казахских писателей-билингвов: рассматривается влияние двуязычия на формирование художественной картины мира, выявляется система концептов и образов, реконструирующих концептосферу казахского этноса ([6–9] и др.). Одним из ярких представителей современной казахской литературы является прозаик и драматург Роллан Сейсенбаев (1946 г.р.), одинаково талантливо пишущий как на казахском, так и на русском языке. Произведения Р. Сейсенбаева в разные годы выступали в качестве объекта филологических и собственно лингвистических исследований, в которых изучались жанрово-стилевое своеобразие творчества писателя [10], языковые и стилистические способы раскрытия характера персонажей [11], образность и мифологизм

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 18-18-00194 «Образная система русского языка в полидискурсивном пространстве современных коммуникаций» (2018-2020 гг.), реализуемого в Томском государственном университете.

сейсенбаевской прозы [12, 13]. Лингвистические аспекты анализа языка и стиля писателя рассматривались до настоящего времени только на материале произведений, написанных на казахском языке [11].

Русскоязычные произведения Р. Сейсенбаева, в числе которых романы «Если хочешь жить» (1986), «Заблудившийся крик» (1986), «Лестница в никуда» (1987), «Трон сатаны» (1988), «Отчаяние, или Мертвые бродят в песках» (1991), рассказы «Честь» (1968), «Тоска по отцу, или День, когда рухнул мир» (1990) и др., были высоко оценены критикой и заняли достойное место в ряду классических произведений мировой художественной литературы ([14–16] и др.). В этой связи особую актуальность приобретает изучение русскоязычного творчества казахского писателя-билингва с позиций когнитивной лингвистики, лингвостилистики и лингвокультурологии.

В русскоязычной прозе Р. Сейсенбаева находит выражение особая языковая картина мира автора, которую А.Б. Туманова предлагает обозначить терминами «контаминированная» или «негомогенная» [8. С. 13–14]. По определению исследователя, в контаминированной художественной картине мира «отображается реальная казахская действительность, национальный менталитет, национальная культура казахского народа, языковая ментальность представителя казахского этноса, переданная с помощью русского (второго родного) языка, выступающего неотъемлемым компонентом другой культуры, в частности языковой культуры русского народа» [Там же]. Контаминированная художественная картина мира, представленная в творчестве русскоязычных казахских писателей, служит уникальным материалом для филологического исследования. В ней отражается сложный процесс взаимодействия концептуальных, образных, символических кодов, вербализируемых средствами первого и второго языков, которыми в равной степени хорошо владеет и творчески выражает свои представления о мире билингвальная личность автора. Одним из направлений изучения контаминированной языковой картины мира является анализ различных способов лексической и текстовой репрезентации художественных концептов, ее составляющих.

В настоящей статье впервые предпринята попытка изучить прозу Р. Сейсенбаева с позиций когнитивной семантики и стилистики в аспекте художественного билингвизма. Объектом анализа является концептосфера рассказа «Честь», ключевой элемент которой составляет одноименный концепт, представленный множеством прямых, образных и символических репрезентаций на уровне лексической (слова, словосочетания) и повествовательной (тематически связанные фрагменты текста, его логико-смысловое развертывание, типы речи) структуры текста. Имя данного концепта вынесено в заглавие рассказа, а его смысловое наполнение реализуется на уровне идейно-художественного содержания через систему персонажей, событийно-фабульную структуру, хронотоп, авторскую идею художественного произведения. Предметом изучения являются понятийные, образно-символические и аксиологические компоненты концепта, выраженного лексемой *честь*, а также языковые средства и способы его тек-

стовой объективации с учетом специфики контаминированной казахско-русской художественной картины мира.

Цель статьи заключается в выявлении универсального ядра и этноспецифических компонентов концепта «Честь», эстетически объективированного средствами русского языка казахским писателем в прозаическом произведении малой формы в качестве ключевого компонента художественной картины мира. В работе применялись методы дефиниционного, компонентного, контекстуального, концептуального, лингвостилистического анализа, а также метод полевого моделирования. Особое внимание уделялось изучению образных средств русского языка, задействованных в метафорической и символической интерпретации исследуемого концепта в его общезыковом (русском) и художественном – эстетически переосмысленном, контаминированном (казахско-русском) вариантах.

Основные термины и методика исследования

В определении понятия «концепт» и методологии его анализа мы опираемся на сложившуюся в русистике авторитетную традицию, представленную в трудах когнитивного (А.П. Бабушкин, В.И. Карасик, В.В. Колесов, М.В. Пименова, З.Д. Попова, Г.Г. Слышкин, И.А. Стернин и др.) и лингвокультурологического (С.Г. Воркачев, Д.С. Лихачев, В.А. Маслова, Ю.С. Степанов и др.) направлений ([17–25] и др.). Эти работы создали надежный теоретический фундамент для многочисленных исследований отдельных концептов по данным национальных языков и разных типов дискурса, включая художественный, а также для сопоставительного анализа концептов в разных языках и культурах [26–29]. Вслед за З.Д. Поповой и И.А. Стерниным мы понимаем концепт как «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [21. С. 34]. Мы также разделяем идею о дробности и многомерности концепта, в содержании которого выделяются понятийные, ассоциативно-образные и эмоционально-оценочные признаки («слои», «компоненты») ([18. С. 71; 19. С. 19–20; 25. С. 412] и др.).

Концепты как дискретные элементы когнитивной картины мира объективируются посредством знаков языка, используемых в текстах как продуктах речевой деятельности. Они могут быть выявлены и описаны путем анализа и интерпретации множества своих языковых и текстовых репрезентаций. По выражению М.В. Пименовой, концепт «рассеян в языковых знаках, его объективирующих», а для восстановления структуры концепта «необходимо исследовать весь языковой корпус, в котором репрезентирован концепт, – лексические единицы, фразеологию, паремиологический

фонд, включая систему устойчивых сравнений, запечатлевших образы-эталоны, свойственные определённому языку» [20. С. 52].

Эффективным инструментом лингвокогнитивного анализа концепта является метод полевого моделирования, в рамках которого по данным лексико-графических источников, корпусных исследований, контент-анализа текста и текстовых формаций того или иного типа дискурса выявляется многокомпонентная и «послойная» содержательная структура концепта, которая моделирует его фреймовую организацию (выявляются минимальные кванты знания, их иерархические и логико-пропозициональные связи), понятийную, ассоциативно-образную и оценочную составляющие (логический, метафорический и аксиологический планы), распределение компонентов содержания от ядра (ключевого базового смысла) к периферии (более частным, дифференцированным, факультативным смыслам, находящимся в зонах пересечения с другими концептами). Средства языковой репрезентации анализируемого концепта могут быть представлены в виде общеязыкового лексико-фразеологического поля, а также текстового и/или дискурсивного полей, которые, в свою очередь, демонстрируют фрагменты языковой, текстовой (авторской) и дискурсивной картин мира ([18. С. 109; 21. С. 54; 30. С. 59–88] и др.).

В данной статье в соответствии с поставленной целью выявляется структура анализируемого концепта на основании данных современного русского языка с опорой на словарные толкования слов и устойчивых выражений, относящихся к семантическому полю «Честь», а также с учетом актуальных смыслов их типовых употреблений в речи, которые демонстрируют данные Национального корпуса русского языка [31]. В своих изысканиях мы опираемся на ранее полученные результаты исследования концепта «Честь» в исторической перспективе его формирования и развития [32–36], в сопоставлении с данными других языков, высвечивающих его этнокультурную специфику [26–29, 34]. Этот этап анализа представляется необходимым, так как русский язык, наряду с казахским, является родным языком Роллана Сейсенбаева, и именно на нём автор выражает художественную концепцию родовой чести воина-кочевника в раннем рассказе «Честь» (1968), который впоследствии вошел составной частью в текст романа «Трон Сатаны» (1988), что указывает на программный характер этого произведения для всего творчества писателя.

Путем сплошной выборки из текста рассказа отбирались лексические репрезентации анализируемого концепта, рассматривались прямые, метафорические, аллегорические текстовые репрезентации; с опорой на методы контекстного, когнитивно-стилистического и лингвопоэтического анализа выявлялись смысловые доминанты концепта «Честь», актуализированные в контаминированной авторской картине мира. Сопоставление соотносительных фрагментов русской языковой и художественной картин мира показало аспекты творческой интерпретации и эстетической трансформации концепта «Честь» в произведении писателя-билингва, на этом основании рассмотрены структура художественного концепта «Честь», его универсальные и этноспецифические черты.

Согласно определениям, предложенным в работах по когнитивной лингвостилистике, художественный концепт – это единица сознания поэта или писателя, которая репрезентируется в отдельном художественном произведении или во всем творчестве в целом и выражает индивидуально-авторское осмысление сущности предметов или явлений [37, 38]. В ряде работ отмечается, что репрезентируемые в литературном произведении концепты отражают не только индивидуально-авторскую, но и национальную (этническую) картину мира, исторически сложившуюся в сознании представителей этноса, частью которого осознает себя автор. Так, Л.В. Миллер определяет художественный концепт как «сложное ментальное образование, принадлежащее не только индивидуальному сознанию, но и (в качестве интенциональной составляющей эстетического опыта) психоментальной сфере определённого этнокультурного сообщества как универсальный художественный опыт, зафиксированный в культурной памяти и способный выступать в качестве фермента и строительного материала при формировании новых художественных смыслов» [39. С. 41]. Художественный концепт – это результат процесса авторского познания, понимания мира, осмысления и творческого воплощения писателем своих замыслов; он наделен образностью, ассоциативностью, эмотивностью, эстетичностью, т.е. всем тем, что определяет специфику литературы как вида искусства. Объективируясь в тексте, художественные концепты моделируют некое условное художественное пространство, отражающее человеческое бытие во всем его многообразии, и в своей совокупности составляют концептосферу литературного текста.

Основным способом объективации того или иного концепта в тексте является использование ключевого слова-репрезентанта, наиболее полно номинирующего концепт и составляющего его понятийное ядро [21. С. 177]. Ключевое слово-репрезентант играет особую роль в художественном тексте: многократно повторяясь, оно формирует ключевые смыслы концепта, актуализирует идейную проблематику, фокусирует лейтмотивы художественного текста. Лексема *честь*, будучи высокочастотной в тексте одноименного рассказа, вынесена в наиболее сильную позицию – заглавие, что непосредственно указывает на ключевую роль концепта в художественной картине мира анализируемого произведения.

Концепт «Честь» в русской языковой картине мира

Исследованию концепта «Честь» посвящено немало научных работ, в которых изучается его реализация в современной русской [40, 41] и древнерусской [32] картинах мира; выявляется специфика объективации концепта через сопоставление с другими национальными языковыми картинами мира [26–29, 34]; рассматривается концепт «Честь» в художественном дискурсе [42, 43]. На основании ранее проведенных исследований, а также данных энциклопедических и толковых словарей определим общее содержание исследуемого концепта.

Понятие *чести* носит отвлеченный характер и относится к морально-этическим категориям, регулирующим социальное поведение личности. Оно связано с оценкой таких нравственных качеств человека, как достоинство, порядочность, преданность, ответственность, правдивость, благородство, совесть. По определению «Современного философского словаря», честь – это «понятие морального сознания и категория этики, раскрывающее ценностное отношение человека к самому себе и отношение к нему со стороны общества. В представлениях о чести находит отражение общественное положение как самого человека, так и социальной группы, к которой он принадлежит» [44. С. 799]. Таким образом, это комплексное понятие, в котором, на наш взгляд, выделяется три значимых и взаимосвязанных аспекта. Во-первых, понятие чести связано с моральным сознанием и внутренней самооценкой. В этом отношении *честь* составляет неотъемлемую часть личности, является изначально присущим человеку и отрефлексированным в процессе социализации чувством собственной значимости, собственного достоинства. Во-вторых, *честь* выступает как нормативно-этическая социальная категория, определяющая правила хорошего поведения человека в обществе, соответствующего исторически сложившимся представлениям о долге и должном и заключающегося в способности поставить общественные интересы выше личных. В этом отношении представление о чести распространяется на определенные социальные группы – *дворянская честь*, *воинская честь*, *профессиональная честь*, *девичья честь* и т.п. В-третьих, реализация личности в обществе всегда предполагает внешнюю оценку достоинств и недостатков, соответствия и несоответствия предписанному «кодексу чести». В этом отношении *честь* непосредственно связана с отношением общества к личности, признанием ее поведения как должного, праведного, достойного уважения и почитания. Эти три аспекта отражаются в толкованиях лексико-семантических вариантов лексемы *честь* в различных словарях и формируют основные (ядерные) компоненты понятийной структуры концепта.

В современном русском языке концепт «Честь» представлен лексико-фразеологическим полем, заглавной единицей (доминантой) которого является лексема *честь*; её дериватами *честолюбие*, *честолюбивый*, *честолюбец*, *честовать*, *чествование*, *почести*; однокоренными словами *честный*, *честность*, *честно*, *честной*, этимологически родственными словами с близкими значениями *читать*, *почитать*, *почтить*, *почет*, *почетный*, *почтение*, *почтенный*, *почтительно*, *почтительность*, *почтительный*, *достопочтенный*, *досточтимый*; синонимичными словами, имеющими в значении сходные семантические компоненты, *достоинство*, *достойный*, *достохвальный*, *досточтимый*, *ответственность*, *обязанность*, *совесть*, *уважение*, *уважать*, *уважительно*, *уважительность*, *уважительный*, *репутация*, *респектабельность*, *респектабельный*; устойчивыми словосочетаниями *гражданская честь*, *профессиональная честь*, *воинская честь*, *мужская честь*, *девичья честь*, *кодекс чести*, *дело чести*, *человек чести*, *жить идеалами чести*, *оказать*

честь, удостоиться чести, защищать честь, защита чести и достоинства, честь и совесть и др.; идиомами с заглавным компонентом *ни чести, ни совести, по труду и честь, честь по чести, честь и хвала*, воинск. *отдать честь, честь имею* и др.; пословицами и поговорками *Честь дороже жизни; Всякому своя честь дорога; За честь голова гибнет; За совесть, за честь хоть голову снести; Лучшие умереть с честью, чем жить с позором; Хоть плетью высеки, только чести не лишай; Береги платье снову, а честь смолоду* и др.

Лексическая доминанта поля *честь* репрезентирует его смысловое ядро, коррелирующее с понятийной структурой исследуемого концепта. Этимологические словари указывают на общеславянское происхождение русского слова *честь* (ср.: укр. *честь*, белор. *чесьць*, болг. *чест*, сербохорв. *čašt*, словен. *čāst*, чеш. *čest*, слвц. *česť*, польск. *cześć* и др.) [45. С. 350], что косвенно подтверждает гипотезу о формировании концепта в ранний период становления феодального общества (VII–IX вв.), и на его связь со словами *честный, честной, чтить, потчевать*.

В семантической структуре лексической доминанты и этимологически мотивирующих прилагательных *честный* и *честной* отчетливо прослеживаются три вышеуказанных аспекта означаемого понятия: *честь** 1) 'совокупность высших морально-этических принципов личности' *дело чести* // 'достоинство (личное, профессиональное, военное и т.п.)' *воинская честь* // 'хорошая, незапятнанная репутация, доброе, честное имя' *беречь честь* // 'целомудрие, непорочность (о женщине)' *девичья честь*; 2) 'почет, уважение'; 3) 'высокое звание, должность, чин, почесть'; 4) 'то, что дает право на почет, уважение, признание, является почетным' кому-л. *принадлежит честь быть основателем чего-л.*; 5) 'о том, кем, чем гордятся, кому или чему отдают дань уважения, восхищения' *он честь нашего завода; честный* 1) 'правдивый, прямой, добросовестный' *честный человек* // 'не способный украсть, присвоить себе чужое' // 'выражающий правдивость' *честное слово*; 2) 'такой, который основан на правилах, понятиях чести, добропорядочности, соответствует им' *честная жизнь* // 'не допускающий обмана, жульничества' *честная торговля*; 3) 'не запятанный чем-л. предосудительным, не опороченный чем-л.' *честное имя; честной* устар. 1) 'почитаемый по святости и связи с религией' *честной крест*; 2) 'устраиваемый по принятому обычаю, по правилам религии' *честная свадьба*; 3) 'заслуживающий уважения, почетный' *честной народ*. Семантика глаголов актуализирует аспект общественного признания этих этически значимых ценностей, дань уважения и почтения носителю нравственных качеств: *чтить* 'чувствовать и проявлять к кому-л. глубокое уважение, почтение; почитать', *потчевать* 'предлагать пищу гостю во время совместной трапезы, угощать'.

* Семантическая структура лексем и формулировки толкований лексических значений здесь и далее приводятся в соответствии со Словарём русского языка в 4 томах под ред. А.П. Евгеньевой [46]; также при выборке и анализе материала учитывались данные других словарей современного русского языка ([47–50] и др.).

На основании анализа словарных дефиниций единиц лексико-фразеологического поля и логического анализа содержания понятия с точки зрения соответствующей ему пропозиционально-фреймовой структуры определим состав и иерархию компонентов понятийного уровня концепта «Честь», их распределение от ядра к периферии.

Понятийное ядро концепта «Честь» можно определить как **‘высокие положительные качества личности, проявленные на благо общества и вызывающие уважение’**. Пропозиционально-фреймовая структура концепта содержит три слота, которым соответствуют три субфрейма: 1) ‘личность обладает высокими положительными качествами (достоинствами, добродетелями)’; 2) ‘качества личности соответствуют представлениям об общественном благо (этическим нормам)’; 3) ‘общество уважает (почитает) личность’.

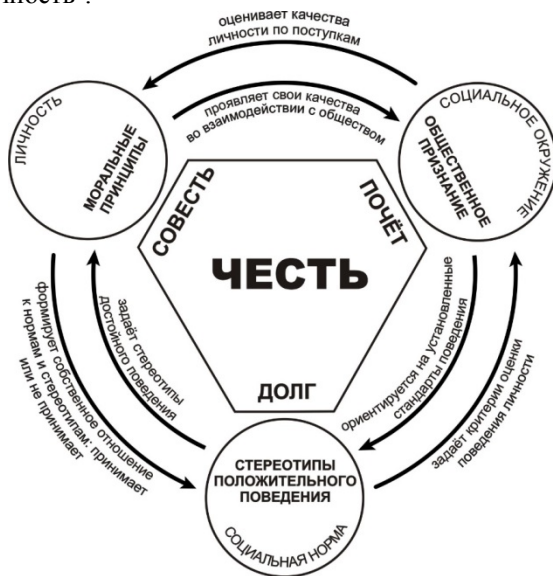

Рис. 1. Пропозиционально-фреймовая структура концепта «Честь»

Первый слот «Личность» соотносится с высокими моральными принципами, достоинствами и добродетелями, формирующими чувство собственной значимости и самоуважение. Его эксплицируют значения лексем **честь, честность, честный**, указанные в словарях под первым номером (см. выше), формирующие ядерную зону. В околоядерную зону входят маркирующие этот аспект семантики ближайшие синонимы **совесть** ‘чувство и сознание моральной ответственности за свое поведение и поступки перед самим собой, перед окружающими людьми, обществом; нравственные принципы, взгляды, убеждения’, **достоинство** ‘сознание своих человеческих прав, своей моральной ценности и уважение их в себе’ // ‘внешнее проявление уважения к себе, сознания своей значимости’ и **самоуважение**. «Новый объяснительный словарь синонимов» так толкует семан-

тику слова *достоинство*: «свойство человека Y, состоящее в том, что он сознает свою ценность в качестве X-а и ведет себя так, чтобы другие люди тоже признавали эту ценность» [48. С. 292]. Ближнюю периферию составляют синонимичные слова, детализирующие различные проявления достоинства личности и её нравственные принципы: *доблесть* 'готовность преодолеть все препятствия для достижения какой-л. высокой цели, самоотверженность в какой-л. деятельности', *благородство* 'высокие нравственные качества; величие, возвышенность', *репутация* 'положительное, благоприятное мнение, сложившееся о ком-, чем-л.' и др. Дальнюю периферию составляют слова и выражения, частично пересекающиеся в смысловом отношении (*принципиальность, гордость*), и антонимичные единицы, маркирующие «антиценности» (*тищеславие, высокомерие, заносчивость, гордыня* и т.п.).

Второй слот «Социальная норма» связан с семантикой социальных стереотипов, норм и предписаний, соответствие которым определяет *честь* как достойное поведение личности и социальной группы на благо обществу. Ядерное пространство поля формирует значение лексемы *честь* 'хорошая, незапятнанная репутация, доброе, честное имя', 'целомудрие, непорочность (о женщине)'. К околядерному пространству относится близкое по содержанию понятие общественного (профессионального, гражданского) долга: *долг* 'нравственные обязанности человека, выполняемые из побуждений совести', а также слова, называющие качества, определяющие достойное поведение и обеспечивающие хорошую репутацию: *честный* 1) 'такой, который основан на правилах, понятиях чести, добропорядочности, соответствует им'; 2) 'не запятанный чем-л. предосудительным, не опороченный чем-л.', *порядочность, порядочный* 'честный, не способный на низкие поступки', *ответственный* 'отличающийся высокоразвитым чувством долга, ответственности, добросовестно относящийся к своим обязанностям'. Ближнюю периферию составляют слова с близким значением *самоотверженность, праведность, непорочность*. Дальняя периферия: *целомудренность, целомудрие, безгрешность, невинность* и др. Антиценности: *безнравственность, подлость, коварство, безответственность, разгильдяйство* и т.п.

Третий слот «Общественное признание» отражает аспект внешней оценки проявления *чести* в форме знаков почета, признания достоинств личности, уважения и почитания. Семантика почета, почестей и уважения представлена в значениях ядерной лексемы *честь* 2) 'почет, уважение'; 3) 'высокое звание, должность, чин, почесть'; 5) 'о том, кем, чем гордятся, кому или чему отдают дань уважения, восхищения'. Околядерное множество составляют *честный* 1) 'почитаемый по святости и связи с религией' *честной крест*; 3) 'заслуживающий уважения, почетный' *честной народ, честковать* 1) 'публично, в торжественной обстановке приветствовать, поздравлять, оказывать почести' // устар. 'оказывать честь, уважение кому-л.', *читать* 'чувствовать и проявлять к кому-л. глубокое уважение, почтение; почитать', *почитать* 'относиться к кому-, чему-л. с уважением, почтением; чтить', *почет*

‘уважение, оказываемое кому-л. обществом, окружающими людьми’, **почетный** 1) ‘пользующийся почетом’; 2) ‘являющийся знаком почета’; 3) ‘доставляющий почет, делающий честь кому-л.’, **уважение** ‘чувство, основанное на признании чьих-л. достоинств, заслуг, качеств; почтение’. Этот аспект содержания концепта насчитывает самое большое количество лексических репрезентантов из числа однокоренных и родственных слов заглавной лексемы. Ближайшая периферия представлена словами со сходной семантикой **почести** ‘внешнее выражение уважения, почтения, какие-л. церемониальные действия в знак уважения, признания заслуг’, **почтение** ‘глубокое уважение’, **почтенный** ‘достойный почтения, уважения’ // ‘внушающий почтение’ и др. **слава** ‘почетная известность, как свидетельство всеобщего признания чьих-л. заслуг, таланта, доблести и т.п.’, **хвала** ‘прославление, восхваление’ и др. Дальняя периферия: **преклонение**, **благоговение**, **популярность** и др., антонимы – **презрение**, **осуждение**, **позор** и т.п.

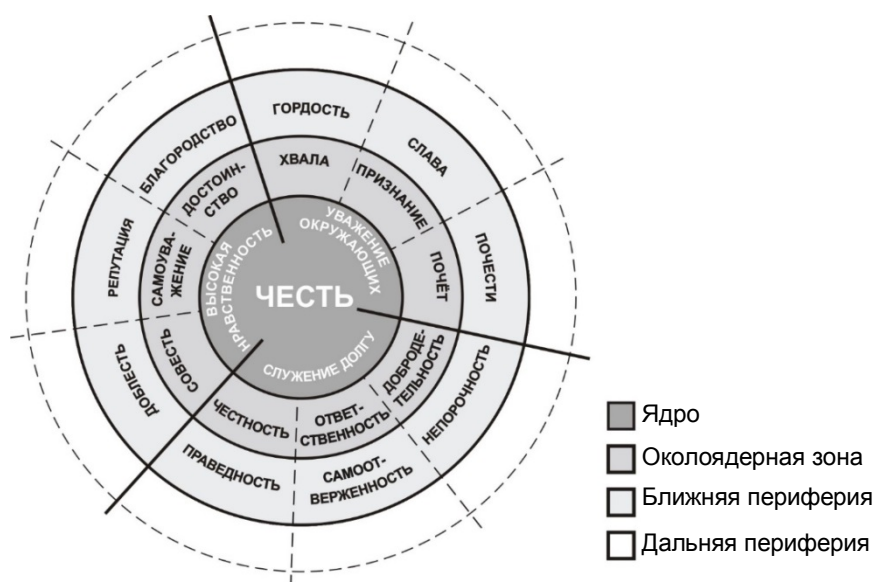

Рис. 2. Ядерно-периферийная структура семантического поля «Честь»

Ассоциативно-образный план концепта «Честь» связан с метафорическим способом его осмысления и вербализации, символическим выражением в знаках культуры (образах, символах, жестах, ритуалах) ([51, 52] и др.). *Честь* концептуализируется посредством онтологической метафоры как очень ценный предмет (драгоценность, сокровище), которым нужно *дорожить*; *беречь*, *хранить*, *ценить*, *высоко нести* его, а в случае опасности *бороться*, *сражаться*, *биться*, *стоять*, *умереть*, *погибнуть*, *пасть*, *сложить голову*, *отдать жизнь* за него. Как нравственно-этическая ценностная категория *честь* метафорически характеризуется через признаки «чистоты» (*Наши героини на экране были кристально чисты и нравственны.*

Л. Гурченко) и «высоты» (*Он не мог не понимать, сколь высокая ему оказана честь*. Н. Дежнев). Утрата чести интерпретируется как «загрязнение» и «падение вниз»: *запятнать репутацию, уронить честь, упасть лицом в грязь* (*Он написал несколько прекрасных книг и умудрился даже в трудные времена ничем не запятнать свою честь*. Ю. Буйда), а также как нарушение целостности, деформация объекта (*В этих камерах оставляли воспоминания о поруганной и растоптанной чести*. В. Шаламов).

Ориентационная метафора «верх – низ», в соответствии с которой концептуализируются положительный и отрицательный полюса нравственных качеств и социального статуса, выражает представление о чести через образы высокого положения человека, стремления вверх как нравственного совершенствования и продвижения по социально-иерархической лестнице; тогда как падение вниз символизирует отступление от нравственных норм, утрату чести и достоинства. Эта когнитивная модель также находит выражение в телесном, акциональном и фетишном кодах культуры, где указанная антиномия символически выражается противопоставлением «головы / рук – ног», ритуальными действиями «возвышения – низложения», атрибутами власти и почестей (*поднять на пьедестал, носить на руках, увенчать голову, воздвигнуть памятник, быть на коне, сложить к ногам, лавры победителя, корона славы*). Чувство собственного достоинства, отношение уважения и почета выражается через образы горделивой осанки (*поднять голову, расправить грудь и плечи*), почтение символизируют жесты преклонения (*склонить голову, преклонить колена*).

Аксиологическая составляющая является ключевой для концепта «Честь» и относится к однозначно положительному полюсу ценностной шкалы нравственных качеств, противопоставляющих «добродетель» (всё должное, праведное, нравственное) «пороку» (всему порицаемому, осуждаемому, безнравственному). Наличие чести предполагает нравственное поведение, соответствующее норме и долгу, а её отсутствие свидетельствует об отступлении от морально-нравственных норм и принципов. Нельзя быть человеком чести лишь отчасти: честь либо есть, либо ее нет. Таким образом, само понятие чести является аксиологической категорией и этической ценностью.

Следует отметить, что понятие чести внутренне противоречиво и относительно. Есть некоторые противоречия между внутренним («сознание собственного достоинства человека, который ощущает свою индивидуальность» [53. С. 165]) и внешним («слава среди окружающих, доблесть, понимаемая не как особенность, а как одинаковость, сходство с другими» [Там же]) аспектами чести. Противоречиво отношение между глубинным нравственным (вневременным, общечеловеческим) и относительным социальным (культурно-историческим) представлениями о чести: последнее всегда обусловлено типом социальной структуры, хозяйственно-экономическим укладом, общественно-политической ситуацией, распространенными в обществе религиозными и идеологическими убеждениями. С одной стороны, честь отражает представление об идеале нравственного

человека как представителя общества, но с другой – стремление к идеалу может носить субъективно-эгоцентрический характер (честолюбие, тщеславие, гордыня) или быть связанным с директивным, манипулятивным, подавляющим воздействием на личность (навязывание социальных стереотипов, лишаящее свободы воли), а также с поверхностным, формальным соблюдением правил, почтением социального статуса, а не личных заслуг. Например, в словаре В.И. Даля *честь* определяется не только как «внутреннее достоинство человека, его доблесть, честность, благородство души, чистая совесть», но и как «условное, светское, житейское благородство, нередко ложное, мнимое» [54. С. 599–600]. Поэтому важными факторами регулирования общественных отношений являются соответствие истинному положению дел и правильный баланс в соотношении всех трех компонентов, определяющих смысл концепта «Честь»: наличие нравственных качеств у личности, их добросовестная реализация в выполнении общественного долга и высокая положительная оценка со стороны социального окружения. Несбалансированные ситуации – почет и почести на основании высокого формального статуса безнравственной личности, унижение достоинства честного и порядочного человека, отсутствие поощрения и негативная оценка в адрес доблестного гражданина, жажда славы и почестей без стремления к общественному благу и т.п. – являются источником агрессии, приводят к личностным и социальным кризисам и конфликтам. Такие ситуации оцениваются как нечестные, несправедливые и аморальные, связанные с отклонением от гласного или негласного «кодекса чести», требующие защиты чести и достоинства, восстановления социальной справедливости.

Исследователи отмечают, что формирование понятия чести относится к феодальному периоду развития общества в виде представления о родовой и сословной чести как морального требования, предписывающего человеку образ жизни и действий, не унижающий достоинства определенного сословия или рода [44. С. 800]. Честь присуща в феодальном мире «той части общества, которая признавалась имеющей социальную ценность», она есть «атрибут младшего феодала», получающего определенные материальные знаки чести от своего вассала [55. С. 112]. Этот этап общественного сознания в осмыслении концепта *честь* отразился в хрониках и литературе Средневековья [33–36], в древнерусской литературе [32] и во многом соответствует художественной картине мира анализируемого рассказа.

На наш взгляд, содержание концепта «Честь» как элемента концептосферы, транслируемой лексико-фразеологическими средствами русского языка, отражает универсальную общечеловеческую модель регулирования личных интересов и общественного блага в цивилизованном сообществе, передает общезначимые морально-этические принципы нравственного поведения. В то же время реализация этой модели и принципов в конкретном социуме варьируется в зависимости от наличествующих историко-культурных условий и социально-политических обстоятельств. Например, в рассказе Р. Сейсенбаева «Честь» описываются события казахско-

джунгарской войны 1643–1756 гг., средствами русского языка в литературно-художественной форме реконструируются менталитет казахов-кочевников начала XVIII в., передается авторская рефлексия современного представителя казахского этноса. Художественный концепт «Честь» в этом случае отражает, наряду с универсальным ядром, специфические черты, присущие исторической эпохе, традиционной этнической казахской культуре и психологии в их авторской интерпретации.

Концепт «Честь» в художественной картине мира Р. Сейсенбаева

Сюжет рассказа «Честь» связан с событиями завершающего периода казахско-джунгарской войны, когда в результате векового противостояния Казахского и Джунгарского ханств постоянно происходили вооруженные столкновения, а борьбе с внешними врагами мешали внутренние конфликты между родовой знатью казахских жузов и отдельных родов. Главные персонажи рассказа – представители воинственного, но малочисленного рода Уак, относящегося к Среднему жузу и проживающего в устье Иртыша. В центре основанной на реальных событиях сюжетной линии эпизоды из жизни легендарного батыра Кушикбая, доблесть, ратные подвиги и благородство которого увековечены в народных преданиях и литературе. В его честь назван перевал, установлен монумент на месте захоронения в 50 км от г. Семей (до 2007 г. Семипалатинск).

Исследуемый концепт «Честь» регулярно эксплицируется в тексте рассказа, начиная с заглавия и заканчивая авторским риторическим монологом в финале. Ключевое слово-репрезентант *честь* пронизывает все повествование и встречается 18 раз в следующих вариантах сочетаемости с контекстным окружением: *поруванная честь* (3 раза), *честь народа* (2), *символ мужества и чести*, *достойный этой чести*, *Музыка Чести*, *положить жизнь за честь*, *своя честь*, *жажда чести*, *честь не продается*, *возвратил мою честь*, *оскорбленная честь*, *знаменитый кюй** «ЧЕСТЬ». Прилагательное *честный* встречается 6 раз: *честный поединок* (4), *радость честной битвы*, *честная смерть*. Частотны близкие по значению лексемы, репрезентирующие определенные смысловые компоненты концепта: *достоинство* (3), *доблесть* (2) *храбрость* (2), *храбрый* (2), *уважение* (2), *уважать* (4), *известный* (4), *знаменитый* (3), *гордиться* (3), *легендарный*, *лучший*, *бесстрашный*, *слава*, *мужество*, *невинность*, а также слова, выражающие семантику утраты чести и достоинства: *унижение* (7), *позор* (4), *бесчестие* (3), *надругаться* (3), *оскорбленный*, *поруванный*, *обида*, *худая слава*.

Ключевые смыслы концепта обнаруживаются на уровне лексической и повествовательной структуры рассказа: в системе образов и речи персонажей, в авторских повествованиях, описаниях сюжетных ситуаций. Что есть честь для батыра-кочевника, с рождения привыкшего к седлу, для предста-

* Кюй – традиционная казахская инструментальная пьеса, исполняемая на домбре или других народных музыкальных инструментах.

вителя родовой знати, мудрого аксакала, народного сказителя-музыканта, восточной женщины и простых жителей аула? В тексте рассказа автор объективирует исследуемый концепт через призму сознания этих представителей казахского этноса.

На первый план выходит понятие **родовой чести**, носителем которой является человек не столько как индивид, сколько как представитель определенной социальной группы этноса. Личное достоинство определяется способностью хранить и защищать честь своего народа (в рассказе это казахи и джунгары), племени (род уаков), семейного клана (аулы Тобета и Кушикбая), большой и малой родины (долина Сарыарки, Камышовое озеро, горы Чингистау, Джунгарские ворота). Все главные персонажи рассказа являются выразителями кодекса родовой чести в его определенном социально-статусном ролевом варианте и представляют собой образы-архетипы **воина** – защитника родины и родовой чести (казахские батыры из рода уаков Кушикбай, Тобет, Естыбек, джунгарский батыр Анархой); **мудреца-учителя** – хранителя народной мудрости и нравственных принципов (аксакал из рода уаков); **матери** – прародительницы и хранительницы родовой памяти (Айганым); **невесты** – продолжательницы рода, воплощающей красоту и чистоту родной земли (пленная джунгарка Нургуль); **музыканта** – творца народной культуры и выразителя души народа (друг Кушикбая домбрист Арыстан, пленный джунгарский музыкант, играющий на сырнай*). На этих прототипических носителей чести народа указывает Айганым в своем обращении к соплеменникам: *«Неужели он [народ] познает мудрость своих мудрецов, доблесть своих батыров, мелодию своих музыкантов лишь тогда, когда разбредется по белу свету либо весь исчезнет с лица земли? Неужели память нашего народа окажется короче овечьего хвоста?»*. На них указывает автор в заключительном лирическом монологе: *«Я стою в степи у высокого заброшенного кургана. Чья это могила? Мудреца? Батыра? Музыканта? Молчит усталая степь»*.

Понятие родовой чести и воинской доблести тесно связано с образом родины, представленной в художественной картине мира образом Великой Степи (*степь, желтая степь, черная степь, вечная степь*), которая является домом для кочевых народов, в котором располагаются аулы, юрты, пастбища, в котором не прекращаются кровопролитные войны соседей и междоусобные распри. *«Уай, желтая степь, неужели твой народ, род уаков, самый несчастный в Сарыарке?»* – обращается к степи Айганым в скорбном плаче о погибшем сыне. *«Да будет проклята жизнь табуника – говорит пленный джунгар. – Ведь лошади – это главное богатство в степи, и вся вражда между джунгарами и казахами из-за того, что они то и дело угоняют друг у друга табуны. А другого добра, почитай, и нет у них»*. В заключительном лирическом монологе автор восклицает: *«О, история моей*

* Сырнай – народный духовой музыкальный инструмент, сделанный из глины или дерева, наподобие дудочки.

древней земли – твоя судьба подобна мучительным родовым схваткам, и я хочу понять секрет твоей вечной жизни, **земля моя, степь моя!**».

Важным аспектом родовой чести являются коллективная память рода, память о предках, почитание старейшин рода и уважение всех старших по возрасту. Боевой клич уаков был обращен к имени предков в разгар кровавого боя: «*Уа, духи предков!*». На уважении к старшим, почитании старейшин рода – аксакалов издревле держался миропорядок в казахской степи. Показателен в этом отношении образ белобородого аксакала, носителя народной мудрости и нравственных принципов. В кульминационный момент, когда Кушикбай, став жертвой коварства и подлости Тобета, забыл о своих высоких принципах, поддался чувству мести и захотел убить своего обидчика, аксакал остановил его, сказав: «*Я понимаю, что тебя привела сюда **поруванная честь** и невыносимая обида. Но ведь **честь** и **обида** – это не одно и то же. Легко быть обидчивым, трудно быть милостивым... умоляю тебя **прахом наших предков**, оставь нам пустую голову этой худой собаки. ...А мы сами его накажем, как знаем! От имени всего рода прошу! Ведь **оба вы из рода уаков!***». Несмотря на жажду мести и негодование, Кушикбай прислушался к словам старца, не поддавшись эгоистическим чувствам: «*Да разве я осмелюсь насмехаться над сединами старца? Разве не исполню волю аксакала?*» – и благодарил его: «*Спасибо, что ты остановил меня. Ты не только этого шакала спас, ты и **мне возвратил мою честь!***».

Одним из способов проявления почтения к старшим является использование традиционных для казахов речевых этикетных формул приветствия, обращения, извинения, прощания и т.п. Так, Кушикбай, не разделяющий взглядов и убеждений старшего батыра Тобета, уважает его возраст и при обращении к его имени добавляет «*ага*», что в переводе означает ‘старший брат, дядя или старший вообще’. Заступаясь за пленных джунгар, Кушикбай просит: «*Освободи их, Тобет-ага*». Наталкиваясь на непонимание старшего батыра, он умоляет: «*Я прошу тебя об этом, **как младший, я унижаюсь перед тобой, а ты показываешь мне спину***». Только после безуспешных уговоров и выслушанных оскорблений в свой адрес Кушикбай решается доказать свою правоту Тобету в честном поединке. Одержав победу, Кушикбай вновь использует вежливую форму обращения, подчеркивая тем самым уважительное отношение к старшему: «*Тобет-ага, – медленно сказал Кушикбай, – вставай, я прощаю тебе твои слова. **Возьми свою саблю**. Я знаю, что тебя губит тоска по убитому брату*». Следование национальным традициям продемонстрировано автором и в способе, которым Кушикбай останавливает издевательства над пленными джунгарами. Он произносит фразу: «*Дат, Тобет-ага!*». По древней традиции произнесение слова **дат** давало обвиняемому возможность требовать правосудия от правителя. Тот в свою очередь должен приостановить наказание, чтобы выслушать обвиняемого [56].

Важный аспект родовой чести связан с высоким социальным статусом главных персонажей, предполагающим защиту коллективных интересов,

самоотверженность в выполнении общественного долга. Статус подчеркивается говорящими именами: **Айганым** в буквальном переводе – «лунная госпожа», **Тобет** – 1) «вершина горы»; 2) «овчарка-волкодав». Умение поставить общие интересы выше личных, руководствоваться нравственными принципами, преодолевать эгоизм, не идти на поводу низменных чувств – обиды, трусости, жажды мести, гордыни и тщеславия – необходимые качества, определяющие честь правителя рода. Положительный вариант чести правителя представлен образами Айганым и Кушикбая.

В образе Айганым подчеркивается ее особый статус среди соплеменников. Она, сохранив достоинство, повела за собой народ после гибели сына, так как по правилам адата, издревле регламентирующего правовые и семейные отношения у казахов, «статус женщины как матери-вдовы повышался до социально значимого в рамках всего рода, что позволяло ей стать главой всей семейно-родственной группы или даже рода своего покойного супруга» [57. С. 92]. Показателем всеобщего почтения к героине является данное ей право обратиться к Аллаху с молитвой. По казахским традициям право произнести *бата* (молитву) дается только самому старейшему и уважаемому человеку. В качестве важного способа объективации концепта «Честь» автор использует описание невербального языка – жестов, мимики, поведения героини и ответных реакций окружающих. Так, узнав о гибели своего единственного сына, мать батыра с честью выносит это испытание, вызывая восхищение у сородичей и подавая им пример стойкости и мужества: *«Стареющее лицо ее глубоко изрезали скорбные морщины, но голову она держала высоко, и воспаленные от слез глаза ее были печальны и строги»*.

Основные для авторской картины мира смыслы концепта «Честь» в его позитивной реализации несут жизненная философия и поступки главного героя – батыра Кушикбая. Для него честь – это самоотверженность в защите своего народа, утверждение единства в пределах рода и этноса, обостренное осознание личной ответственности за общее дело, уважение к достойному противнику, милосердие к слабым и беззащитным, стремление к мирному сосуществованию соседних народов на принципах соблюдения закона и справедливости. Будучи истинным сыном казахского народа, Кушикбай призывает сородичей к объединению, выступает против родовых распрей, стремится остановить жестокое кровопролитие в войне с джунгарами. Обращаясь к своему идейному противнику Тобету, он говорит: *«Разве ты забыл, что раньше сыны степей устраивали поединки не ради забавы или жестокости, а в знак уважения друг к другу. Битва была символом мужества и чести. Значит, и нам нужно быть достойным этой чести. И не путай свою личную обиду с честью народа»*. Он признает только *«честный поединок»* и мечтает о *«честной смерти»* в правом бою. Герой задается риторическим вопросом: *«...разве не о чести моего народа думал я в первую очередь, когда пытался помириться с джунгарами?»* Он готов был *«положить жизнь за честь народа»*.

Образ батыра Тобета демонстрирует негативные аспекты представления о чести как обостренно личностном чувстве собственной значимости,

утверждаемом через власть, физическую силу, социальное превосходство, жажду мести. Будучи доблестным воином и предводителем войска уаков, он одержим идеей отомстить за смерть брата. Тобет считает, что *«кровь может быть отомщена только кровью!»*. В основе его понимания чести лежит древний обычай кочевников – **барымта** – акт мести за причиненную обиду, который представляет собой насильственный вооруженный набег для захвата имущества и отгона скота. Участие в барымте было честью для кочевника, позволяло укрепить авторитет и пользоваться уважением у сородичей: *«Эй казах, эй, азамат, разве ты забыл **обычай предков, обычай мести**: голову за голову, кровь за кровь? И если ты ещё мужчина, если ты ещё дышишь, бери в руки свое заржавленное копье, и с наступлением лета мы тронемся в путь – так говорили они на всех долгих сходках»*. Воспринимая власть как безграничные возможности, Тобет восклицает: *«Я **главный батыр**»; «Мое слово – это закон для войска. Прикажу спалить аул – спалят, прикажу рубить – порубят»*.

Однако Кушикбай, выражая ключевую мысль автора, провозглашает идеи нравственности и справедливости как новый «кодекс чести» воина великой степи, который основан не на приоритете силы, а на принципах разума и гуманизма: *«Чем больше шарлатанов, тем хуже для истины, чем больше лжепророков, тем быстрее гибнет народ. И если **глупый батыр возглавляет народ, то люди станут подобными зверям, а сердце зверя – это не сердце человека**»*. Защита чести народа, собственного достоинства и идеалов справедливости требует от воина боевого духа, силы и мужества: *«Но что делать, когда такова жизнь, когда все в этой степи от дикого зверя до разумного человека подчиняется только одному – силе! Силе, порождающей все и вся, силе, двигающей народы, силе, заставляющей **стоять на коленях и храброго, и трусливого**»*. Кушикбай осуждает и не приемлет насилия, унижения слабого и беззащитного, однако признает праведный бой и честный поединок с достойным противником-воином: *«Если ты ищешь кровной мести, то кровь твоего брата на совести джунгарского батыра Анархоя. А я вчера его убил и омыл твою месть кровью, которой ты так жаждеешь. Но я убил его в **честном поединке**»*.

Большое место на страницах рассказа занимают сцены поединков (бой Анархоя с Естыбеком, Кушикбая с Анархоем, Кушикбая с Тобетом). В ситуации поединка объективируется такая важная составляющая исследуемого концепта, как воинская доблесть – честь батыра, джигита. В сюжетной ситуации поединка огромное значение имеет вербальная и невербальная коммуникация сражающихся, выражающая всю степень их боевой решимости и негодования по отношению друг к другу: *«– **Поединок, Тобет! И не быть мне больше человеком, если я сегодня не повешу твою подлую голову на твоей юрте**»; «**Копыта аргамаков рыли каменистую землю. Кони взметнулись. С треском схлестнулись пики. На мгновение встретились два искрометных взгляда, и батыры отпрянули друг от друга**»*. Исход поединка предполагает не только победу, но и поражение, и связанные с ней оскорбленное достоинство, чувство обиды и ме-

сти, ситуации унижения чести, утраты социального статуса: *«Победа! Победа!» [думает Тобет]. А теперь он низложен, и сердце его кровоточит от стыда и обиды».*

Особенно остро переживается поражение в ситуации бессилия перед противником, которую показывает автор на примере пленных джунгар и жителей аула Кушикбая (*кровавые слёзы аула Уак*), ставших жертвой подлости и коварства Тобета. Событийная основа выводит на первый план мотив *«поруганной чести»*, *«горечи унижения и страха бесчестия»*, связанный с поражением, предательством, чувством обиды и жаждой мести. В этих ситуациях актуализируются смыслы, противоположные понятию чести: стыд (*сердце его кровоточит от стыда и обиды*), позор (*убили с позором, еще и надругались над телом*), унижение (*пленники стонали от унижения*), бесчестие (*что могут сказать мужчины, которые потеряли мужское достоинство?*), которые визуализируются через соответствующие жесты и позы телесного кода: *«Джунгары опустили глаза, не желая быть свидетелями позора своей соплеменницы»;* *«И держи выше голову, сестренка! Нас поставили на колени, но мы умрем не с опущенной головой. Танцуй, танцуй, солнышко!»;* *«И люди, согнув свои измученные спины, сидят в темноте под луной, ожидая слова матери, последнего решающего слова матери погибшего батыра».*

В ситуации унижения особенно остро переживается несправедливость по отношению к наиболее достойным представителям рода, заслуживающим почета и уважения: *«Мудреца, который дает верные советы, они считают ослом, выжившим из ума, на бесстрашного воина, спасающего их, своими же руками набрасывают аркан, певцу, который поет о них, затыкают глотку».* Эта несправедливость как нарушение кодекса родовой и воинской чести заставила Айганым увести свой аул: *«Под благословенным дождем уходит из родных мест кочевье, сломленное великим горем. О чем задумались воины, женщины и дети? Мать прощается с сыном. Люди прощаются с родиной».*

Сюжет рассказа заканчивается драматически. Однако позитивный смысл авторской концепции утверждает незыблемые вневременные нравственные принципы чести, основанные на гуманизме и справедливости. Именно доброта, милосердие, способность любить и понимать красоту необходимы для позитивной реализации чести благородного воина. Эти внутренние личностные качества присущи Кушикбаю и проявляются не только в верности долгу и обостренном чувстве справедливости, но и в способности сочувствовать слабому, тонко понимать и переживать красоту, проявлять доброту и милосердие, чувствовать любовь в своем сердце. В рассказе эти качества Кушикбая проявлены в любви к музыке как выражению души народа, в крепкой дружбе с музыкантом Арыстаном и внешне запятой вспыхнувшей любви к пленной джунгарке Нургуль.

Образ пленной девушки-джунгарки, красавицы Нургуль (буквально: «цветок света»), выражает архетип невесты как будущей матери, воплощающей лучшие качества народа и родины, отражает представления о кра-

соте женщины и родной земли. Сила духа Нургуль показана в стремлении защищать свою девичью честь ценою собственной жизни: *«Уж лучше бы отрубили мне мою голову эти проклятые казахи еще там, на родной земле, когда выволокли меня из родного дома и бросили плашмя поперек седла»*. Возвышенная душа Кушикбая не могла не откликнуться на эту красоту: *«Не лучше ли взять в жены такую красавицу, жениться, мирно жить своим домашним очагом, а не рыскать в степи в поисках врага? Какие глаза! Какая девушка! Никогда больше не увижу этих черных глаз, прощай, черноглазая джунгарка! Неповторимый образ твой, незабвенный образ твой останется в моем сердце!»* Бесстрашие, отвага и благородство Кушикбая, вставшего на защиту пленных и спасшего их жизни, покорили Нургуль: *«Какие сильные руки у этого джигита! Какой он добрый и какой он храбрый! ...Узнаешь ли ты когда-нибудь, что ещё одна женищина, кроме твоей матери, будет носить твоё имя в своем сердце до самой смерти»*. Показательно, что эта нереализованная любовь объединила символическим обручением два враждующих народа: *«Девушка сняла со среднего пальца бирюзовый перстень и вложила его в широкую ладонь батыра. – Меня зовут Нургуль, батыр. Спасибо тебе за твою доброту»*.

Способность тонко чувствовать музыку, понимать красоту и гармонию, ценить искусство музыканта показана автором как свидетельство благородства души и нравственного чувства человека, выражение чести и достоинства: *«И зазвучали, зазвучали среди сонной тишины чарующие звуки сырная. ...Заслышав мелодию родимых мест, пленники, стоявшие на коленях, стали поднимать головы. Музыка вселяла в них бодрость и выражение достоинства вдруг появилось на их измученных лицах. Девушка-джунгарка тоже была рада. Народ славен не только своими батырами и мудрецами, но и своей музыкой»*. С детства Кушикбай дружил с народным музыкантом Арыстаном, прозвище которого он называл *Музыкой Чести*. В финале рассказа автор говорит о знаменитом кюе Арыстана под названием «Честь», мелодия которого передает представления о жизни и чести доблестного воина: *«Воин гибнет в бою, и это честная смерть. Воин гибнет, защищая стариков, женищин и детей своего народа, защищая его лошадей, его юрты, его скарб, и народ оплакивает воина, веками хранит память о нем»*.

Подведем итоги. В художественной картине мира рассказа Р. Сейсенбаева объективируются каждый из трех выделенных компонентов понятийной структуры концепта «Честь»: 1) внутренние моральные качества личности (храбрость, мужество, благородство, милосердие); 2) общественные нормы и стереотипы поведения (воинская доблесть и самоотверженность, верность общественному долгу, справедливость правителя, честность и порядочность в поступках и действиях); 3) общественное признание (почет, уважение, гордость, слава, народная память). В концептосфере рассказа универсальное содержание дополняется такими важными национальными и историко-культурными смыслами, как **честь рода** и **воинская доблесть**, при этом редуцируется индивидуальный и доминирует коллектив-

ный аспекты в представлениях о чести. Актуализируется ситуация унижения чести и достоинства (*поруванная честь*), в которой требуется восстановление справедливости: защита чести в бою (*честный поединок*) или кровная месть (*барымта*). Высвечиваются такие факторы отступления от пути чести и долга, как тщеславие, гордыня, обида, жажда мести. В качестве способов гармонизации общественных отношений подчеркивается значимость таких этических и эстетических категорий, как красота, милосердие, любовь и прощение.

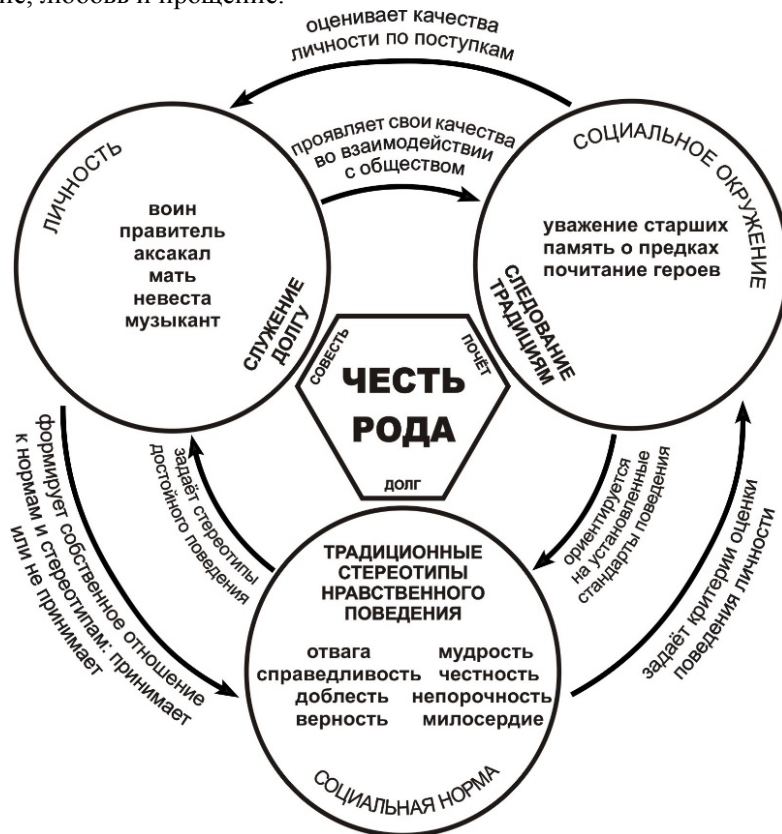

Рис. 3. Структура художественного концепта «Честь» в рассказе Р. Сейсенбаева

Заключение

Анализ ключевых смыслов концепта «Честь» и способов их текстовой репрезентации в русскоязычном рассказе казахского писателя Р. Сейсенбаева показал способы эстетического воплощения универсального аксиологического концепта в контаминированной (казахско-русской) художественной картине мира. Универсальное понятийное содержание концепта «Честь» отражает общечеловеческие принципы регулирования личных и общественных интересов на основе нравственных принципов; регламенти-

рует приоритет общественного долга, поддержанный высокой оценкой и поощрением самоотверженного служения, а также непререкаемой ценностью личности для общества. Будучи аксиологической категорией, концепт «Честь» транслирует одну из базовых ценностей человеческой цивилизации, особенно остро осознаваемую и востребованную в периоды формирования государственности и социальных кризисов. Позитивные оценочные смыслы концепта связаны с гармоничным и сбалансированным соотношением трех слотов фреймовой структуры концепта: (1) нравственные принципы личности проявлены в (2) самоотверженном служении на благо обществу и (3) получают высокую положительную оценку со стороны социального окружения. Такое соотношение признается справедливым и отвечает принципам общественной морали. Негативную оценку получают дисбаланс в соотношении указанных параметров, несоответствие качеств и поступков личности общественной морали, несправедливость оценки заслуг личности перед обществом.

Понятийное и аксиологическое содержание концепта «Честь» представлено в тексте рассказа лексическими и фразеологическими средствами русского языка в соответствии с типичной для русской языковой картины мира, также во многом универсальной системой образно-символического означивания: ориентационная метафора «верх – низ», телесная метафора «голова / руки – ноги», онтологическая метафора «драгоценного предмета», «целого – разрушенного предмета», «чистого / светлого – грязного / темного предмета», символика «памятника», «меча», «всадника на коне» как атрибутов почета и власти, символика акционального кода – жесты и мимика превосходства, почета, поклонения, унижения.

В контаминированной художественной картине мира средствами русского языка описываются быт, уклад общественной и культурной жизни, менталитет и духовные устремления казахов начала XVIII в. С этой целью в повествование включены безэквивалентные казахские номинации феноменов духовной и материальной жизни кочевников *аул, юрта, батыр, джигит, азамат, аргамак, барымта, кюй, домбра, сырнай* и др., топонимы *Сарыарка, Чингизтау* и др., антропонимы *Кушикбай, Нургуль* и др., этнонимы *уаки, джунгары* и др. Таким образом, в авторской репрезентации концепта «Честь» отражаются мировоззренческие взгляды, этические ценности, образ жизни и традиции казахского народа. Использование казахскими писателями-билингвами русского языка как средства межнационального общения дает возможность расширить читательскую аудиторию и популяризировать культуру своего народа, оставаясь при этом органичной его частью.

В своей критической статье писатель М. Кузин высоко оценил вклад Роллана Сейсенбаева в развитие и сохранение казахской культуры и назвал его носителем духовной генетической памяти нации [16. С. 65–66]. Используя богатый арсенал изобразительно-выразительных возможностей художественной литературы и опираясь на благодатную почву казахского устного народного творчества, автор уже в своем раннем рассказе сумел

передать глубинные основы казахской народной ментальности и нравственности через эстетическое осмысление и выражение концепта «Честь» средствами русского языка.

Литература

1. Mackey William F. The Description of Bilingualism // The Bilingualism Reader. Routledge. London ; New York, 2001. P. 802–817.
2. Haugen E. Bilingualism in the Americas // A Bibliography and Research Guide. University of Alabama Press, 1968. 159 p.
3. Билингвизм и его аспекты: XXI век: межвуз. сб. науч. тр. Иваново : Иванов. гос. ун-т, 2012. 247 с.
4. Копыленко М.М., Ахметжанова З.К. Лексическая и морфологическая интерференция в русской речи казахов. Алматы : Наука, 2007. 120 с.
5. Жанпейсова Н.М. Репрезентация национальных концептосфер в картине мира казахско-русских билингвов : дис. ... д-ра филол. наук. Актөбе, 2006. 329 с.
6. Аубекерова Г.А. Выражение эмоционального состояния «раздражение» на материале произведений писателей-билингвов Казахстана // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность, 2015. № 5. С. 337–341.
7. Бахтикиреева У.М. Художественный билингвизм и особенности русского художественного текста писателя-билингва : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2005. 387 с.
8. Туманова А.Б. Контаминированная языковая картина мира в художественном дискурсе писателя-билингва. Алматы, 2010. 260 с.
9. Хасанов Б. Казахско-русское художественно-литературное двуязычие. Алма-Ата: Рауан, 1990. 192 с.
10. Омарова Ш. С. Жанрово-стилевое своеобразие творчества Р.Ш. Сейсенбаева : дис. ... канд. филол. наук. Алматы, 2001. 132 с.
11. Сәрсекке Г.Ә. Р. Сейсенбаев шығармаларындағы кейіпкерді мінезділігі тілдік-стильдік тәсілдер = Языковые и стилиевые способы в раскрытии характера персонажа в произведениях : филол. ғыл. канд. дис. Алматы, 1998. 166 с.
12. Шаинова Г. Особенности образной структуры прозы Р. Сейсенбаева // Вестник КазНУ. 2013. № 5–6. С. 141–145.
13. Шаинова Г. Б. Жанр романа-мифа в творчестве Р. Сейсенбаева. Алматы, 2017. 158 с.
14. Гачев Г. Джигит и гражданин // Сейсенбаев Р. Трон сатаны. Семей: Международный клуб Абая, 2007. С. 10–16.
15. Ауэзов М. О творчестве Роллана Сейсенбаева // Предисловие к книге Р. Сейсенбаева Всего одна ночь. Алматы: Международный клуб Абая, 2009. С. 16–18.
16. Портрет Роллана: Статьи, эссе, стихи. Алматы : Издательский Дом «RS», 2012. 168 с.
17. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической системе языка. Воронеж : Изд-во Ворон. гос. ун-та, 1996. 104 с.
18. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2004. 477 с.
19. Колесов В.В. Язык и ментальность. СПб. : Петербургское востоковедение, 2004. 240 с.
20. Пименова М.В. Введение в когнитивную лингвистику. Кемерово, 2004 208 с.
21. Попова З.Д. Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М. : АСТ : Восток – Запад, 2007. 314 с.
22. Воркачёв С.Г. Лингвокультурная концептология: становление и перспективы // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2007. Т. 66, № 2. С. 13–22.
23. Лихачёв Д.С. Концептосфера русского языка // Известия РАН. Сер. лит. и яз. М., 1993. № 1. С. 3–9.

24. *Маслова В.А.* Введение в когнитивную лингвистику : учеб. пособие. М. : Флинта : Наука, 2004. 296 с.
25. *Степанов Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры: Опыт исследования. М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.
26. *Ачмиз Д.А.* Характеристика концепта «честь» в русской, адыгейской и английской лингвокультурах и его модальные аспекты // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 114. С. 183–185.
27. *Кажигалиева Г.А.* Концепт «честь»: отражение национального характера и культуры в русских и казахских поговорках // Вестник КазНУ. Серия филологическая. 2012. № 5–6. С. 55–59.
28. *Недосугова А.Б.* Концепт «честь, долг, совесть» в русской и японской языковой картине мира // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования. Языки и специальность. 2012. № 3. С. 57–61.
29. *Нгуен Т.Х.* Концепт *честь* в русской и вьетнамской культуре : магистерская диссертация. Екатеринбург, 2015. 184 с.
30. *Картины* русского мира: современный медиадискурс / З.И. Резанова, Л.И. Ермоленкина, Е.А. Костяшина и др. ; ред. З.И. Резанова. Томск : ИД СК-С, 2011. 288 с.
31. *Национальный корпус русского языка.* URL: <http://www.ruscorpora.ru>
32. *Терина С.В.* Древнерусский концепт *честь* и его языковая репрезентация в летописи «Повесть временных лет» : дис. ... канд. филол. наук. Тольятти, 2007. 210 с.
33. *Морева А.В. Громова Е.А.* О признаковой структуре концепта «честь» в средневековой картине мира // Язык и культура. 2008. № 2. С. 25–32.
34. *Ткаченко О.В.* Феномен чести в европейской и русской культуре (философско-антропологический анализ). Ростов н/Д : Изд-во Северо-Кавказского научного центра высшей школы, 2005. 143 с.
35. *Копова А.Е.* Ядерный компонент концепта «Честь» на материале текстов древнеанглийского периода // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2009. Т 11, № 4 (4). С. 1012–1014.
36. *Манухина А.О.* Концепт «Честь» и его вербализация в тексте старофранцузских хроник XIII века (на материале сочинений Ж. де Вильардуэна и Р. де Кларе) // Альманах современной науки и образования. Тамбов, 2010. № 2 (33), ч. 2. С. 92–101.
37. *Огнева Е.А.* Когнитивное моделирование концептосферы художественного текста. М. : Эдитус, 2013. 282 с.
38. *Тарасова И.А.* Художественный концепт: диалог лингвистики и литературоведения // Лингвистика. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 4 (2). С. 742–745.
39. *Миллер Л.В.* Художественный концепт как смысловая и эстетическая категория // Мир русского слова. 2000. № 4. С. 39–45.
40. *Спивакова Е.М., Спивакова М.М.* Национальная специфика русского концепта «Честь» // Казанский педагогический журнал. 2015. № 4. С. 416–419.
41. *Спивакова М.М., Спивакова Е.М.* Концепт «честь» в русской языковой картине мира // Филологическая наука в условиях диверсификации образования. 2014. № 1. С. 131–140.
42. *Еремина Н.О.* Некоторые аспекты концепта «Честь» на базе современного литературного произведения // Научные труды КубГТУ. 2015. № 10. URL: <http://ntk.kubstu.ru/file/548>
43. *Березкина Е.П., Москвитина Л.Е.* Концепт «честь» в романе А.С. Пушкина «Капитанская дочка» // Приоритетные направления развития науки образования : материалы V Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары, 12 июня 2015 г. Чебоксары, 2015. С. 305–307.
44. *Современный философский словарь* / под ред. В.Е. Кемерова ; сост., ред. Т.Х. Керимова. 3-е изд., испр., доп. М. : Академический Проект, 2004. 864 с.

45. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / пер. с нем. М. : Прогресс, 1987. Т. 4. 861 с.
46. Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР. Ин-т рус. яз. ; под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М. : Рус. яз., 1981–1984.
47. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М. : Рус. яз., 2000. 1233 с.
48. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд., испр. и доп. выпуск / под общим руководством акад. Ю.Д. Апресяна. М. : Языки русской культуры, 2004. 1488 с.
49. Фразеологический словарь русского литературного языка / под ред. А.И. Фёдорова. М. : Астрель : АСТ, 2008. 808 с.
50. Большой словарь русских поговорок / под ред. В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитиной. М. : Олма Медиа Групп, 2007. 785 с.
51. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М. : ЛКИ, Editorial URSS, 2017. 256 с.
52. Чернейко Л.О. Лингво-философский анализ абстрактного имени. М., 1997. 352 с.
53. Гуревич А.Я. Избранные труды. Т. 2: Средневековый мир. М.; СПб. : Университетская книга, 1999. С. 560.
54. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М. : Рус. яз., 1982. Т. 4. 683 с.
55. Лотман Ю.М. Об оппозиции «честь» – «слава» в светских текстах киевского периода // Избранные статьи : в 3 т. Таллин, 1992. Т. 2. С. 111–126.
56. Керимбаев Е.А. Этнокультурные основы номинации и функционирования казахских собственных имен : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Алма-Ата, 1992. 61 с.
57. Стасевич И.В. Социальный статус казахской женщины: Традиции и современность // Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. URL: <http://www.kunstkamera.ru>

The Concept “Honor” and Its Figurative Representations in the Bilingual Writer’s Blended Worldview (Based on the Story “Honor” by R. Seisenbayev)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2019. 61. 149–176. DOI: 10.17223/19986645/61/9

Elena A. Yurina, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: yourina2007@yandex.ru

Zhanna G. Temirova, Kokshetau State University (Kokshetau, Kazakhstan). E-mail: temirova.zh@mail.ru

Keywords: concept “Honor”, concept sphere, imagery, axiology, language worldview, blended worldview, bilingualism.

The article discusses the concept “Honor” as an element of the Russian language worldview and the key concept of the creative blended worldview of the Kazakh bilingual writer Rollan Seisenbayev. The object of the analysis is the concept sphere of the story “Honor”, the key element of which is the same-name concept expressed by a set of direct, figurative and symbolic representations at the lexical and narrative level of the text structure. The name of the concept is given in the title of the story, and its semantic content is realized at the level of ideological and artistic content through the system of characters, the event and fable structure, the chronotope, the author’s idea of a piece of art. The aim of the article is to identify the universal core and the ethno-specific components of the artistic concept “Honor” that the Kazakh writer aesthetically objectified by means of the Russian language. Based on the data of previous studies and encyclopedic and explanatory dictionaries’ material, the general content of the concept under study is determined, its frame structure and the semantic field of its lexical and phraseological expression in modern Russian are modeled. The conceptual core of the concept “Honor” is an idea of the high-positive individual qualities demonstrated for

society's benefit and inspiring public respect. The conceptual frame structure of the concept contains three slots, which correspond to three subframes: (1) 'the person has high positive qualities (virtues)', (2) 'personal qualities correspond to the ideas of public welfare (ethical standards)', (3) 'society respects (honors) the person'. The associative-figurative aspect of the concept "Honor" is connected with the metaphorical way of its comprehension and verbalization, with its symbolic expression by means of culture signs (images, symbols, gestures, rituals). Honor is conceptualized through the "top – bottom" orientation metaphor, the "head/arms – foot" body metaphor, the ontological metaphor of a "precious object", a "whole – destroyed object", "pure/light – dirty/dark object". The figurative characteristic of honor presents the symbolism of a "monument", a "sword", a "horseman" as honor and power attributes, as well as action code symbols – gestures and facial expressions of superiority, honor, worship and humiliation. The creative blended worldview expressed by means of the Russian language describes the life, social and cultural lifestyle, mentality and spiritual aspirations of the Kazakhs of the early 18th century, reflects ideological views, ethical values, lifestyle and traditions of the Kazakh people. Universal content is complemented by such important national and historical-cultural meanings as family honor and military valor; while reducing the individual and dominating the collective aspects of honor notions. The situation of honor and dignity humiliation (desecrated honor) is actualized, which requires the restoration of justice: honor protection in battle (fair combat) or blood feud (barymta). The factors of honor and duty deviation such as vanity, pride, resentment, appetite for revenge are highlighted. The importance of such ethical and aesthetic categories as beauty, mercy, love and forgiveness are emphasized as the means of social relations harmonization.

References

1. Mackey, W.F. (2001) The Description of Bilingualism. In: Li Wei. (ed.) *The Bilingualism Reader*. London; New York: Routledge, pp. 802–817.
2. Haugen, E. (1968) *Bilingualism in the Americas: A Bibliography and Research Guide*. University of Alabama Press.
3. Vishnevskaya, G.M. (2012) *Bilingvizm i ego aspekty: XXI vek* [Bilingualism and its aspects: The 21st century]. Ivanovo: Ivanovo State University.
4. Kopylenko, M.M. & Akhmetzhanova, Z.K. (2007) *Leksicheskaya i morfologicheskaya interferentsiya v russkoy rechi kazakhov* [Lexical and morphological interference in the Russian language of the Kazakhs]. Almaty: Nauka.
5. Zhanpeisova, N.M. (2006) *Reprezentatsiya natsional'nykh kontseptosfer v kartine mira kazakhsko-russkikh bilingvov* [Representation of national conceptual spheres in the picture of the world of Kazakh-Russian bilinguals]. Philology Dr. Diss. Aktobe.
6. Aubekerova, G.A. (2015) *Vyrazhenie emotsional'nogo sostoyaniya "razdrazhenie" na materiale proizvedeniy pisateley-bilingvov Kazakhstana* [The expression of the emotional state "irritation" on the material of works of fiction of bilingual writers of Kazakhstan]. *Vestnik RUDN. Seriya: Voprosy obrazovaniya: yazyki i spetsial'nost'*. 5. pp. 337–341.
7. Bakhtikireeva, U.M. (2005) *Khudozhestvennyy bilingvizm i osobennosti russkogo khudozhestvennogo teksta pisatelya-bilingva* [Artistic bilingualism and features of the Russian literary text of a bilingual writer]. Philology Dr. Diss. Moscow.
8. Tumanova, A.B. (2010) *Kontaminirovannaya yazykovaya kartina mira v khudozhestvennom disкурse pisatelya-bilingva* [A blended linguistic picture of the world in the creative discourse of a bilingual writer]. Almaty: [s.n.].
9. Khasanov, B. (1990) *Kazakhsko-russkoe khudozhestvenno-literaturnoe dvuyazychie* [Kazakh-Russian literary bilingualism]. Alma-Ata: Rauan.
10. Omarova, Sh.S. (2001) *Zhanrovo-stilevye svoeobrazie tvorchestva R.Sh. Seisenbaeva* [The genre-style originality of R.Sh. Seisenbayev's works]. Philology Cand. Diss. Almaty.
11. Serseke, G.E. (1998) *Language and style methods in revealing the character of the hero in the works by R. Seisenbayev*. Philology Cand. Diss. Almaty. (In Kazakh).

12. Shainova, G. (2013) Osobennosti obraznoy struktury prozy R. Seysenbaeva [Features of the figurative structure of prose by R. Seisenbayev]. *Vestnik KazNU*. 5–6. pp. 141–145.
13. Shainova, G.B. (2017) *Zhanr romana-mifa v tvorchestve R. Seysenbaeva* [The genre of the novel-myth in the works of R. Seisenbayev]. Almaty: [s.n.].
14. Gachev, G. (2007) Dzhigit i grazhdanin [Jigit and citizen]. In: Seisenbayev, R. *Tron satany* [The Throne of Satan]. Semey: Mezhdunarodnyy klub Abaya. pp. 10–16.
15. Auezov, M. (2009) O tvorchestve Rollana Seysenbaeva [On the works of Rollan Seisenbayev]. In: Seisenbayev, R. *Vsego odna noch'* [One Night Only]. Almaty: Mezhdunarodnyy klub Abaya. pp. 16–18.
16. RS. (2012) *Portret Rollana: Stat'i, esse, stikhi* [Portrait of Rollan: Articles, essays, poems]. Almaty: Izdatel'skiy Dom "RS".
17. Babushkin, A.P. (1996) *Tipy kontseptov v leksiko-frazeologicheskoy sisteme yazyka* [Types of concepts in the lexical and phraseological system of the language]. Voronezh: Voronezh State University.
18. Karasik, V.I. (2004) *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena.
19. Kolesov, V.V. (2004) *Yazyk i mental'nost'* [Language and mentality]. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie.
20. Pimenova, M.V. (2004) *Vvedenie v kognitivnyuyu lingvistiku* [Introduction to cognitive linguistics]. Kemerovo: Grafika.
21. Popova, Z.D. & Sternin, I.A. (2007) *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive linguistics]. Moscow: AST: Vostok – Zapad.
22. Vorkachev, S.G. (2007) Lingvokul'turnaya kontseptologiya: stanovlenie i perspektivy [Linguocultural conceptology: formation and prospects]. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*. 66 (2). pp. 13–22.
23. Likhachev, D.S. (1993) Kontseptosfera russkogo yazyka [The concept sphere of the Russian language]. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*. 1. pp. 3–9.
24. Maslova, V.A. (2004) *Vvedenie v kognitivnyuyu lingvistiku* [Introduction to cognitive linguistics]. Moscow: Flinta: Nauka.
25. Stepanov, Yu.S. (1997) *Konstanty: Slovar' russkoy kul'tury: Opyt issledovaniya* [Constants: Dictionary of Russian Culture: Research Experience]. Moscow: Shkola "Yazyki russkoy kul'tury".
26. Achmiz, D.A. (2009) Concept "Honour" in Russian, Adygian and English Linguocultures and Its Modal Aspects. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena – Izvestiya: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 114. pp. 183–185. (In Russian).
27. Kazhigalieva, G.A. (2012) The concept of "honor": a reflection of the national character and culture in the Russian and Kazakh proverbs. *Vestnik KazNU. Seriya filologicheskaya – Bulletin KazNU. Philological Series*. 5–6. pp. 55–59. (In Russian).
28. Nedosugova, A.B. (2012) Kontsept "chest', dolg, sovest'" v russkoy i yaponskoy yazykovoy kartine mira [The concept "honor, duty, conscience" in the Russian and Japanese language pictures of the world]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Voprosy obrazovaniya. Yazyki i spetsial'nost'*. 3. pp. 57–61.
29. Nguen, T.Kh. (2015) *Kontsept chest' v russkoy i v'etnamskoy kul'ture* [The concept of honor in Russian and Vietnamese cultures]. Master's Thesis. Yekaterinburg.
30. Rezanova, Z.I. et al. (eds) (2011) *Kartiny russkogo mira: sovremennyy mediadiskurs* [Pictures of the Russian world: modern media discourse]. Tomsk: ID SK-S.
31. *Russian National Corpus*. [Online] Available from: <http://www.ruscorpora.ru>. (In Russian).
32. Terina, S.V. (2007) *Drevnerusskiy kontsept chest' i ego yazykovaya reprezentatsiya v letopisi "Povest' vremennykh let"* [The Old Russian concept of honor and its linguistic representation in the annals of "The Tale of Bygone Years"]. Philology Cand. Diss. Tolyatti.

33. Moreva, A.V. & Gromova, E.A. (2008) The sign structure of the concept “honour” in the medieval world picture. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 2. pp. 25–32. (In Russian).

34. Tkachenko, O.V. (2005) *Fenomen chesti v evropeyskoy i russkoy kul'ture (filosofsko-antropologicheskii analiz)* [The phenomenon of honor in European and Russian cultures (philosophical and anthropological analysis)]. Rostov-on-Don: Izd-vo Severo-Kavkazskogo nauchnogo tsentra vysshey shkoly.

35. Komova, A.E. (2009) Core component of the “honour” concept in Old English texts. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk – Izvestia RAS SamSC*. 11:4 (4). pp. 1012–1014. (In Russian).

36. Manukhina, A.O. (2010) Kontsept “Chest” i ego verbalizatsiya v tekste starofrantsuzskikh khronik XIII veka (na materiale sochineniy Zh. de Vil'arduena i R. de Klari) [The concept “Honor” and its verbalization in the text of the old French chronicles of the 13th century (based on the works of J. de Villardouin and R. de Clary)]. *Al'manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya*. 2 (33):2. pp. 92–101.

37. Ogneva, E.A. (2013) *Kognitivnoe modelirovanie kontseptsfery khudozhestvennogo teksta* [Cognitive modeling of the conceptual sphere of the literary text]. Moscow: Editus.

38. Tarasova, I.A. (2010) Literary concept: a dialogue of linguistics and literary studies. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo – Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 4 (2). pp. 742–745. (In Russian).

39. Miller, L.V. (2000) Khudozhestvennyy kontsept kak smyslovaya i esteticheskaya kategoriya [Literary concept as a semantic and aesthetic category]. *Mir russkogo slova*. 4. pp. 39–45.

40. Spivakova, E.M. & Spivakova, M.M. (2015) Natsional'naya spetsifika russkogo kontsepta “Chest” [National specifics of the Russian concept “Honor”]. *Kazanskiy pedagogicheskii zhurnal – Kazan Pedagogical Journal*. 4. pp. 416–419.

41. Spivakova, M.M. & Spivakova, E.M. (2014) Kontsept “chest” v russkoy yazykovoy kartine mira [The concept “honor” in the Russian language picture of the world]. *Filologicheskaya nauka v usloviyakh diversifikatsii obrazovaniya*. 1. pp. 131–140.

42. Eremina, N.O. (2015) Some aspects of the concept of “Honor” based on modern literary works. *Nauchnye trudy KubGTU*. 10. [Online] Available from: <http://ntk.kubstu.ru/file/548>.

43. Berezkina, E.P. & Moskvitina, L.E. (2015) [The concept “honor” in A.S. Pushkin's “Captain's Daughter”]. *Prioritetnye napravleniya razvitiya nauki obrazovaniya* [Priority Directions for the Development of Education Science]. Proceedings of the V International Conference. Cheboksary. 12 June 2015. Cheboksary: Chuvash State Pedagogical University. pp. 305–307. (In Russian).

44. Kemerov, V.E. (ed.) (2004) *Sovremennyy filosofskiy slovar'* [Modern philosophical dictionary]. 3rd ed. Moscow: Akademicheskii Proekt.

45. Vasmer, M. (1987) *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Vol. 4. Translated from German. Moscow: Progress.

46. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1981–1984) *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian language: in 4 volumes]. 2nd ed. Moscow: Rus. yaz.

47. Efremova, T.F. (2000) *Novyy slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyy* [The new dictionary of the Russian language. Explanatory and derivational]. Moscow: Rus. yaz.

48. Apresyan, Yu.D. (ed.) (2004) *Novyy ob'yasnitel'nyy slovar' sinonimov russkogo yazyka* [A new explanatory dictionary of synonyms of the Russian language]. 2nd ed. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.

49. Fedorov, A.I. (ed.) (2008) *Frazeologicheskii slovar' russkogo literaturnogo yazyka* [Phraseological Dictionary of the Russian Literary Language]. Moscow: Astrel': AST.

50. Mokienko, V.M. & Nikitina, T.G. (eds) (2007) *Bol'shoy slovar' russkikh pogovorok* [A large dictionary of Russian sayings]. Moscow: Olma Media Grupp.

51. Lakoff, G. & Johnson, M. (2017) *Metaforý, kotorymi my zhivem* [Metaphors we live by]. Translated from English. Moscow: LKI, Editorial URSS.
52. Cherneyko, L.O. (1997) *Lingvo-filosofskiy analiz abstraktnogo imeni* [Linguistic and philosophical analysis of the abstract name]. Moscow: Moscow University.
53. Gurevich, A.Ya. (1999) *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Vol. 2. Moscow; St. Petersburg: Universitetskaya kniga. p. 560.
54. Dahl, V.I. (1982) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the living great Russian language]. Vol. 4. Moscow: Rus. yaz.
55. Lotman, Yu.M. (1992) *Izbrannye stat'i: v 3 t.* [Selected Articles: in 3 vols]. Vol. 2. Tallin: Aleksandra. pp. 111–126.
56. Kerimbaev, E.A. (1992) *Etnokul'turnye osnovy nominatsii i funktsionirovaniya kazakhskikh sobstvennykh imen* [Ethnocultural foundations of the nomination and functioning of Kazakh proper names]. Abstract of Philology Dr. Diss. Alma-Ata.
57. Stasevich, I.V. (2011) *Sotsial'nyy status kazakhskoy zhenshchiny: Traditsii i sovremennost'* [The social status of a Kazakh woman: Traditions and modernity]. St. Petersburg: Nauka.